

ЧЕРНОБРОВ И.В.

К ИСТОРИИ ВЫСШЕГО ЖЕНСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Рассматриваются проблемы, связанные с борьбой за допуск женщин во второй половине XIX в. в университеты для получения равного со студентами-мужчинами врачебного образования. Проанализированы этапы создания высших женских медицинских учебных заведений и деятельность ряда первых женщин-врачей.

Справедливо считается, что медицина имеет “женское лицо”. Например, на Сумщине в настоящее время среди врачей и средних медицинских работников женщины составляют соответственно 60 и свыше 90 процентов. Система подготовки женщин к медицинской практике прошла во всех странах длительный путь становления, развития и совершенствования. Исполнилось 140 лет со дня торжественного открытия в 1872 г. на базе Петербургской медико-хирургической академии (МХА) “Особых женских курсов для образования ученых акушерок”, которые стали первым женским медицинским вузом в России. После длительного периода борьбы женщины получили право на высшее медицинское образование и врачебную деятельность, но временную и ограниченную. Борьба за решение этой проблемы в полном объеме не утихала всю вторую половину XIX в. Активное участие в ней принимали и сами женщины.

В различные исторические периоды отношение к женской медицинской практике было неоднозначным. Медицина постепенно становилась профессией, а это требовало медицинского образования, которое являлось привилегией мужчин. Поэтому женщины, занимавшиеся во все времена врачеванием, теряли свою главенствующую роль в медицине, которая для них сначала ограничивалась, а затем вообще не разрешалась, кроме помощи в родах и ухода за больными. Начиная с XVI в., встречались лишь единичные случаи женской врачебной практики. Но с XIX в. проблема высшего женского медицинского образования стала приобретать общественно-политическое значение. В Европе она решалась преимущественно путем допуска женщин в существовавшие университеты. Первым европейским университетом, разрешившим допуск женщин на медицинский факультет, был Цюрихский в Швейцарии, где в начале 60-х годов совет университета санкционировал зачисление студенток, в том числе из России, ссылаясь на отсутствие в университетском уставе прямого запрета принимать женщин. В начале 70-х годов среди студенток этого университета преобладали женщины из России: в 1870 г. - 21 из 24, 1871 г. - 54 из 63, 1872 г. - 96 из 110. В 1873 г. в Швейцарии был издан закон, устанавливавший равные права женщин и мужчин в университетах. Во Франции прием женщин на медицинский факультет Парижского университета начался в 1868 г., а в 70-е годы их принимали уже все французские университеты. В Англии в 1876 г. был принят закон, предусматривавший прием женщин в университеты страны

Чернобров Иван Владимирович - историк медицины.

на равных основаниях с мужчинами, но фактически выполнение этого закона началось в 1878-1881 гг. В тоже время в Германии женщины не допускались не только к университетскому, но и равному с мужчинами среднему образованию. Только в 1908 г. женщины, закончившие гимназии, были допущены к занятиям в университетах. В большинстве других стран Европы этот вопрос получил разрешение лишь в 20-х годах XX в. [1].

В России вопрос о допуске женщин к университетскому медицинскому образованию начал решаться под влиянием революционной ситуации в 50-60-х годах XIX в. Одним из следствий явилось принятое в 1856 г. решение об организации сначала в губернских городах лишь женских училищ, приравненных по курсу к гимназиям. В 1860 г. их стали именовать женскими гимназиями, однако многих женщин не могли удовлетворить профессии учительницы начальной школы, акушерки или сестры милосердия. Наибольшее число женщин стремилось к профессии врача. Уже в 1860-1861 гг. в Петербургском университете и МХА появились первые слушательницы, но они являлись лишь вольнослушательницами, что не давало им в дальнейшем никаких прав на врачебную деятельность. Вопрос о высшем женском медицинском образовании обсуждался в 1861 г. на высшем государственном уровне.

Поводом послужила конфликтная ситуация, сложившаяся в Харьковском университете. В совет университета обратилась учительница Людмила Ожигина с прошением о разрешении ей слушать лекции на медицинском факультете для получения впоследствии лекарского звания. Впервые в России женщина обращалась с такой просьбой, что оказало большое влияние на дальнейшую борьбу за высшее женское медицинское образование. Совет университета не нашел возможности решить этот вопрос и передал прошение попечителю Харьковского учебного округа, который, в свою очередь, препроводил его министру народного просвещения.

Но министр полагал, что “намерения девицы Ожигиной посвятить себя изучению медицины заслуживают особенного внимания”, поэтому “нет основания не поощрять женщин заниматься врачеванием” [2] и доложил об этом Александру II. Император повелел рассмотреть в Главном правлении училищ не только это прошение, а вопрос о возможности приема женщин в университеты вообще. После этого министр запросил мнение Медицинского департамента МВД, являвшегося высшим органом, руководившим медицинским делом в стране. Медицинский совет, рассмотрев в мае 1861 г. вопрос, не нашел препятствий в допуске Л. Ожигиной к слушанию медицинских лекций в университете. Но Главное правление училищ решило направить это прошение “на обсуждение университетских советов, с тем, чтобы они представили свои заключения о том: 1) могут ли вообще лица женского пола быть допускаемы к слушанию университетских лекций совместно со студентами и по всем ли факультетам; 2) какие условия должны быть поставлены при таком допущении и 3) могут ли такие лица быть допускаемы к испытанию на ученые степени и какими правами... они должны пользоваться” [3]. Так министр народного просвещения через попечителей учебных округов предложил всем университетам представить свои мнения.

В октябре-декабре 1861 г. советы университетов обсудили поставленные перед ними вопросы, создав для подготовки решений временные комиссии. Положительно высказались советы Петербургского, Киевского, Харьковского и Казанского университетов. При этом было отмечено, что допуск женщин к слушанию университетских лекций по какому бы то ни было факультету, совместно со студентами, не только не представляет препятствий, а является справедливым и полезным. Женщины могут подвергаться испытаниям на все ученые степени и получать дипломы, дающие им право на соответствующие должности и на медицинскую практику.

Иначе подошли к решению тех же вопросов советы Московского и Дерптского университетов. Совет Московского университета подавляющим числом голосов решил “не допускать этого совместного обучения, ни под каким предлогом, потому что оно может иметь вредное влияние на успешный ход занятий молодых людей, обучающихся в университете”. Но обсуждение этого вопроса продолжалось несколько минут в самом конце продолжительного заседания университетского совета. К отрицательному мнению совета Дерптского университета присовокупил свое мнение попечитель учебного округа, указав, что “женский пол по особенностям его конституции, умственных и душевных его способностей не может быть признан способным к изучению анатомии, необходимой для медицины”. Однако многие представители общественности, прогрессивно настроенные профессора университетов, писатели выступили в печати решительными сторонниками допуска женщин к высшему медицинскому образованию. В частности, отмечалось, что “занятие медициной приносит особенную честь всякому, а еще более принесет пользы женщинам, которых у нас так редко можно видеть за серьезной работой”; “женщины-врачи положительно необходимы”; “население ни в чем не нуждается так сильно, как в образованных врачах женского пола” [4].

Ведущая роль в практическом разрешении вопроса о высшем женском медицинском образовании принадлежит профессорам Петербургской МХА И.М. Сеченову и С.П. Боткину. Именно И.М. Сеченов допустил в 1861 г. первых слушательниц Н.П. Суслову и М.А. Бокову к слушанию лекций по физиологии, а также к практическим занятиям и научной работе. С.П. Боткин, как свидетель самоотверженной работы сестер милосердия в Крымской войне, широко открыл двери своей аудитории первым слушательницам. Выдающийся ученый-анатом В.Л. Грубер впервые разрешил женщинам допуск к занятиям по анатомии и поставил их в равные условия со студентами-мужчинами. Выдававшиеся этими учеными женщинам свидетельства об успешном окончании занятий способствовали позднее принятию их в число студенток заграничных университетов. За короткий промежуток времени вопрос о том, следует ли принимать женщин в университеты, могут ли они изучать медицину и быть врачами, породил много споров и не сходил со страниц газет и журналов. Уже к началу 1862 г. четко выделялись три основных мнения. Большинство образованных людей считало медицинскую деятельность женщин “возможной, полезной и благотворной для общества”. Сторонники второго мнения полагали, что такое положение недопустимо в силу “неприличности” изучения

женщинами медицины, видели в стремлении женщин быть врачами только прихоть и моду, отрицали их способность получить высшее медицинское образование, ссылаясь на антропологические, физиологические и социальные условия. Такую позицию, в частности, отстаивал до конца своей жизни видный ученый, президент МХА П.И. Дубовицкий. Он категорически заявлял, в том числе письменно в своих протестах, о “неуместности” и “ненужности” подготовки женщин-врачей. Третье мнение заключалось в возможном допуске женщин только к тем отраслям медицины, которые изучают детский и женский организмы.

Однако в то время материалы советов университетов были переданы в комиссию, занимавшуюся разработкой нового университетского устава. Несмотря на точку зрения большинства членов университетских советов, высказанную в пользу высшего женского образования, на широкую его поддержку в печати, а также на исключительную потребность страны во врачебных кадрах, большинство членов комиссии выступило против допуска женщин в университеты. Они ссылались на якобы недостаточную подготовку их к университетскому образованию и возможные “моральные последствия” совместного обучения с мужчинами. Новый университетский устав утвердили в 1863 г., не признав за женщинами права на высшее образование, и путь для них в университеты был закрыт. Годом позже приказом военного министра был закрыт также доступ и в МХА, хотя в уставе 1863 г. “женский вопрос” в академии был сознательно обойден [5].

Таким образом, первый этап борьбы за права женщин на высшее медицинское образование закончился бесплодно. Даже “бесправное” посещение лекций в университетах и МХА, имевшее место в предыдущие годы, было категорически запрещено. Это обстоятельство вызвало ряд прошений со стороны тех, кто, пользуясь временным “послаблением”, посещал университетские лекции. Так, Л. Ожигина снова обращалась с прошением на “высочайшее имя” о дозволении ей продолжать посещение лекций на медицинском факультете Харьковского университета. Но ее просьба была отклонена. Наиболее решительные передовые женщины, не имея возможности получить врачебное образование на родине, уезжали учиться за границу, преодолевая порой значительные трудности [6].

Не увенчалась в дальнейшем успехом и инициатива военного министра Д.А. Милютина, предложившего в 1864 г. расширить учебные программы в акушерских школах с тем, чтобы в военных условиях выпускницы могли заменить, хотя бы частично, мужчин на лекарских должностях. Но министр внутренних дел, которому было направлено это предложение, запросил мнение Медицинского совета МВД, со стороны которого проект затем не получил поддержки и был отклонен. Министр, утверждая это решение совета, со своей стороны подчеркнул, что расширение программы обучения повивальных бабок не сможет помочь указанной в проекте цели, а следовало бы создать с правительственной помощью женский медицинский институт. В 1868 г. министру народного просвещения был направлен проект создания высшего женского медицинского учебного заведения - Женских врачебных курсов, но и этот проект был отклонен. Между тем, стремление женщин к высшему

образованию усилилось. Со страниц печати в 1868-1869 гг. не сходили материалы, посвященные равноправию женщин и высшему женскому образованию. В 1869 г. у здания Харьковского университета министру народного просвещения было вручено коллективное письмо, в котором содержалось требование преобразовать в средних учебных заведениях для женщин программы обучения, приравнять ее к университетскому курсу, и о допуске женщин в существовавшие университеты. Но требование было отклонено. Суть приводившихся в печати аргументов сводилась к тому, что для общегосударственных целей “надобности” в высшем образовании женщин “не усматривается”; крайне ограничено число женщин, достаточно подготовленных к высшему образованию; правительство не может в связи с этим принять на себя “ни забот, ни издержек” по организации специальных женских высших учебных заведений, а “прием женщин в существующие университеты, хотя и не потребует дополнительных расходов, но невозможен, так как грозит нарушить серьезность университетского образования” [7].

Но примеры Н.П. Суловой, В.А. Кашеваровой, М.А. Боковой, ставших первыми женщинами-врачами в России, их успехи в научно-медицинской работе нашли широкий отклик среди женской молодежи. Это в значительной мере способствовало дальнейшей активизации в стране борьбы за допуск женщин к врачебному образованию и последующей медицинской практике.

Сулова Надежда Прокофьевна (1843-1918) родилась в Нижегородской губернии, в семье крепостного крестьянина, который со временем стал управляющим графским имением. Училась в Петербурге в частном пансионе. Получила диплом учительницы младших классов, преподавала в воскресных школах. В 1861 г. поступила вольнослушательницей в МХА, где через год под руководством профессора И.М. Сеченова выполнила свою первую научную экспериментальную работу о влиянии электрического возбуждения на организм. В 1864 г. напечатала в журнале “Современник” ряд статей по вопросам равноправия женщин в обществе, трудовой и семейной жизни. В том же году выехала за границу, где стала студенткой медицинского факультета Цюрихского университета, который окончила через три года. Некоторое время работала в Австрии. Там завершила работу над докторской диссертацией в области физиологии лимфатической системы, которую в 1867 г. успешно защитила в Цюрихском университете. Н.П. Суловой была присвоена степень доктора медицины, хирургии и акушерства. Она стала первой женщиной в Российской империи, добившейся высшего медицинского образования и научной степени. В дальнейшем работала в Вене, совершенствуя свои знания в области акушерства и гинекологии. В Швейцарии познакомилась с известным профессором-гигиенистом Ф.Ф. Эрисманом, за которого вышла замуж. В 1869 г. вместе с мужем возвратилась в Россию, где после сдачи экзаменов они получили право на медицинскую практику. Занималась частной акушерско-гинекологической, а с конца 70-х годов - литературной и благотворительной деятельностью. С 1865 г. находилась под негласным надзором полиции за связь с русской эмигрантской организацией в Швейцарии [8]. Ф.Ф. Эрисман работал вначале врачом-офтальмологом, в дальнейшем - гигиенистом. Стал одним из основоположников научной

гигиены и общественной медицины в России, ученым с мировым именем.

Бокова (Обручева-Бокова, Сеченова-Бокова) Мария Александровна (1839-1929) родилась в Тверской губернии, в небольшом поместье помещика-генерала Обручева. Родители препятствовали ее желанию учиться, но под руководством всесторонне образованной матери изучала литературу и иностранные языки, занималась самообразованием. Ее стремление учиться поддерживал брат, учившийся в кадетском корпусе в Петербурге. Приехав в столицу, она решила заниматься медициной, для чего пришлось сдать экзамены за весь курс мужской гимназии. Но для того, чтобы поступить учиться хотя бы вольнослушательницей вуза, требовалось разрешение родителей или мужа. Поэтому с доктором П.И. Боковым (другом брата) прибегли к фиктивному браку, который позже перерос в действительный. В 1861-1864 гг. посещала вместе с Н.П. Суловой лекции в МХА. Занималась анатомией у профессора В.Л. Грубера и физиологией у профессора И.М. Сеченова. В 1862 г. выполнила под его руководством научное исследование по физиологии зрения. Стала помощницей И.М. Сеченова, а затем его женой. В 1868-1871 гг. училась на медицинском факультете Цюрихского университета. В 1871 г. успешно защитила там докторскую диссертацию “О кератите”, получила степень доктора медицины. В 1872 г. возвратилась в Россию, сдала экзамен на право врачебной практики и работала в течение года врачом-офтальмологом в Киеве, а затем переехала в Одессу, где работала 5 лет по специальности. Считается первой женщиной-офтальмологом в России. В дальнейшем занималась в Петербурге офтальмологией, а также литературной и просветительской деятельностью. Она известна своими переводами на русский язык сочинений Ч. Дарвина и других авторов. Н.Г. Чернышевский в основу своего романа “Что делать?” положил отношения сердечной дружбы, существовавшей между Марией Александровной, И.М. Сеченовым и П.И. Боковым [9].

Кашеварова (Кашеварова-Руднева) Варвара Александровна (1842-1899) родилась в Витебской губернии. Как отмечалось в печати, она не знала ни отца, ни матери, жила “в людях”. В 12 лет уехала к знакомым в Царское Село, а затем в Петербург, хотя не умела даже читать. Буквам и чтению ее учил гимназист первого класса, а выводить каракули на грифельной доске и понимать их смысл - горшечник. Это событие в ее жизни произошло, когда ей минуло 14 лет. Тогда и пробудилась в ней неутомимая жажда знаний. Но из всех доступных тогда профессий ее больше всего прельщала работа акушерки. С большим трудом она устроилась в качестве “вольнопrixодящей” слушательницы на акушерские курсы в Петербурге и блестяще их окончила, пройдя программу, рассчитанную на 2 года, за восемь месяцев. Члены экзаменационной комиссии были поражены ее познаниями и сообразительностью. Однако иметь диплом еще не означало иметь работу. Она случайно узнала, что нужны акушерки в Оренбургском крае, да и то при условии по совместительству лечить больных сифилисом. Это требовало от нее прохождения еще одних курсов - по изучению венерических болезней. В.А. Кашеварова без колебаний завербовалась в “повивальные бабки Башкирского казачьего войска” и в декабре 1862 г. была направлена на эти курсы. Их программу она усвоила за четыре месяца, вместо

12. И снова члены экзаменационной комиссии, на этот раз уже в другом составе, восторгались природным тактом и феноменальной памятью выпускницы. Но сама она была очень далека от восхищения достигнутыми результатами.

По прибытии к месту назначения В.А. Кашеварову принял генерал-губернатор Оренбургского края, которого удручало то, что большая часть населения, следуя предписаниям Корана, не могла пользоваться даже амбулаторными консультациями врачей-мужчин. Он неоднократно информировал императора о том, что коренного улучшения медицинского обслуживания можно добиться только при наличии врачей-женщин. Поэтому сочувственно отнесся к просьбе Варвары Александровны продолжить медицинское образование в МХА и возбудил соответствующее ходатайство перед военным министром Д.А. Милютиным. Министр посчитал просьбу необычной, но аргументация была достаточно обоснованной и, в виде исключения, разрешил принять ее в число слушателей академии. Однако В.А. Кашеваровой еще долго пришлось ходить по различным инстанциям. Лишь через 8 месяцев ее зачислили в МХА в качестве стипендиатки Башкирского казачьего войска. С осени 1863 г. она с усердием приступила к занятиям. Необходимо было также пополнить свои знания в объеме аттестата зрелости.

Немало препятствий она преодолела даже при получении лекарского диплома, так как перед выпускными экзаменами была отчислена из МХА, поэтому снова пришлось хлопотать через Оренбургского генерал-губернатора. Военное министерство утвердило результаты экзаменационной сессии и в декабре 1868 г. состоялся выпуск. Сам военный министр Д.А. Милютин поздравил В.А. Кашеварову с этим событием и вручил ей набор хирургических инструментов. Она окончила академию с дипломом “лекаря с отличием” и золотой медалью, заняв среди наиболее успевавших курсантов второе место. Однокурсники усадили ее в кресло и с восторженными возгласами пронесли по залам МХА. Одним из главных вопросов, волновавших после выпуска любителей проблем, состоял в том, будет ли она защищать докторскую диссертацию и что произойдет дальше, если ее примеру последуют другие женщины. При этом одни утверждали, что у врачей-мужчин появятся новые и опасные конкуренты. Другие видели опасность в дискриминации медицинской профессии и смотрели “на выдачу дипломов женщинам как на новую главу унижения и оскорбления врачебного сословия”, хотя аргументация была слишком слабой [10].

В.А. Кошеварова получила предложения от профессора С.П. Боткина занять место ассистента в руководимой им клинике и от профессора М.М. Руднева начать работать на его кафедре патологической анатомии и гистологии. Однако она уже связала свою деятельность с акушерством и гинекологией, поэтому отклонила оба предложения. К тому же она ожидала вызова из Оренбурга, но на последний ее письменный запрос последовал неожиданный ответ, гласивший о том, что в качестве врача устроить ее не представляется возможным. Тогда она подала заявление о зачислении на работу в Повивальный институт, но, несмотря на ходатайства и блестящие характеристики, получила отказ. Шефствовавшая над институтом великая княгиня Елена Павловна, которой было направлено новое ходатайство,

также не сочла возможным пойти ей навстречу. Княгиню шокировало происхождение и слишком тернистый жизненный путь претендентки. Перед В.А. Кашеваровой вставала перспектива частнопрактикующего врача акушера-гинеколога в столице. В 1868 г. она написала свою первую научную работу. В том же году стала первой женщиной, принятой в члены Общества русских врачей в Петербурге. С 1869 г. она почти ежегодно выезжала за границу для усовершенствования по акушерству и гинекологии, а по возвращении в Петербург большую часть времени проводила на кафедре патологической анатомии и гистологии МХА, где помощь ей в научных исследованиях оказывал профессор М.М. Руднев, ставший ее мужем.

В начале 70-х годов В.А. Кашеварова решила подготовить докторскую диссертацию. В течение 5 лет она трудилась над воплощением в жизнь этой своей мечты. В мае 1876 г. диссертация была принята к защите в МХА. Ее защита состоялась через месяц. Конференц-зал академии был переполнен. Среди присутствовавших находилось много женщин. Появление Варвары Александровны встретили бурными аплодисментами, которые повторились, когда ученый секретарь произнес ее имя. Оппоненты отозвались о диссертации с большой похвалой. Заседание совета закончилось тем, что нового доктора медицины усадили в кресло, как и ранее при получении лекарского диплома, торжественно пронесли ее по всем залам. Итак, была взята еще одна высота. Но В.А. Кашеварова поставила перед собой новые задачи: создание своей кафедры, развитие актуальных вопросов и направлений в медицине.

Однако по МХА уже ползли “различные клеветнические слухи, порочившие ее, и становившиеся невидимой и непреодолимой преградой на ее пути к профессорской кафедре” [11]. Досужие языки не оставляли в покое и профессора М.М. Руднева, хотя он тяжело заболел и вскоре скончался. В 1878 г. клеветнические измышления появились на страницах газеты “Новое время”. По иску Варвары Александровны редактор газеты и автор статьи, которым оказался штабс-капитан - слушатель Военной академии, были привлечены судом к ответственности. В дальнейшем выступления в ее защиту приводили лишь к активизации действий со стороны противников. Они сконцентрировали свои пасквили на интимной стороне ее жизни. И хотя те звучали совершенно неубедительно, но их было весьма трудно опровергать, так как очень быстро появлялись на страницах “желтой прессы”. У В.А. Кашеваровой не было ни времени, ни сил отвечать на всякие такие измышления. В создавшихся условиях ей представлялось более благоразумным оставить столицу, переселиться в другую обстановку и спокойно забыться в труде. И тогда она избрала Валуйский уезд Воронежской губернии, где продолжала свою врачебную деятельность. Вскоре слава о ней разнеслась по всей губернии, вызывая паломничество крестьян в ее амбулаторию. Одновременно она опубликовала свой труд “Гигиена женского организма во всех фазисах жизни”, несколько рецензий на книги иностранных и отечественных авторов. Но ей хотелось сделать больше, используя в полной мере свой научный багаж. Она с сожалением отмечала: “Я ведь порядочно владела немецким, французским и английским языками, бойко на всех говорила, но теперь начинаю забывать - жаль” [12]. Поэтому решила возвратиться в Петербург.

Однако на этот раз столица встретила ее холодно. Не было врагов, не стало и друзей. Вакантные места работы отсутствовали. Конечно, она снова могла стать частнопрактикующим врачом акушером-гинекологом, но ей не хотелось числиться только вдовой профессора М.М. Руднева. К тому же у нее ухудшилось состояние здоровья, мучительными были боли в сердце. Все это снова заставило ее искать более тихую пристань. Выбор пал на Старую Руссу Новгородской губернии. В этом древнем и тихом городке она в меру своих сил и возможностей продолжала заниматься любимым делом и вскоре, как и в Воронежской губернии, приобрела огромный авторитет. Она повторно издала свой труд «Гигиена женского организма...», опубликовала статьи на медицинские темы во многих газетах. В 1893 г. чувствовала себя настолько хорошо, что с удовольствием приняла участие во встрече со своими однокурсниками, окончившими вместе с ней МХА четверть века назад.

Она «вновь пережила прошедшее», и далекие студенческие годы, когда вела отчаянную борьбу за существование, представились лучшими годами ее жизни. По возвращении в Старую Руссу В.А. Кашеварова долгое время находилась в приподнятом настроении от поездки в Петербург. Встреча с бывшими однокурсниками породила у нее новые идеи и проекты. Но тяжелый недуг, приковавший ее на этот раз навсегда к постели, помешал реализации творческих замыслов. Медицинские работники города успели еще поздравить ее с 30-летним юбилеем врачебной и научной деятельности. Это была последняя дань заслугам Варвары Александровны. Первая женщина-врач, получившая на родине лекарский диплом и степень доктора медицины, ушла из жизни в 1899 г., забытая многими. Однако общая печать сочувственно откликнулась на ее смерть. И в столичных, и в провинциальных газетах о ней писали как о незаурядной личности, пробившей себе дорогу к вершинам тогдашней медицинской науки энергией, способностями и трудолюбием [13].

Эти женщины-врачи в дальнейшем стали свидетелями создания и организации работы первых врачебных женских учебных заведений. В 1870 г. группа ученых, основываясь на неудовлетворительном состоянии акушерско-гинекологической помощи в стране и профессионального уровня подготовки повивальных бабок, предложила установить две акушерские степени: «повивальной бабки» - с акушерским образованием и «ученой акушерки» - с общим врачебным образованием. Для подготовки «ученых акушерок» предлагались учебный план и программа курсов со сроком обучения 4 года при МХА и медицинских факультетах университетов. Медицинский совет МВД одобрил их и направил военному министру и министру народного просвещения для утверждения. Ведущие ученые поддержали это решение, и военный министр согласился на организацию таких курсов при академии. Министр народного просвещения запросил мнение университетов. На этот раз все университеты единодушно пришли к выводу о том, что женщины могут быть допущены к занятиям на медицинских факультетах университетов на общих основаниях с мужчинами. При этом они также должны обучаться 5 лет и получать звание лекаря, а не «ученой акушерки». Министр народного просвещения признал

возможным создание “курсов для образования ученых акушерок”, но организацию их при университетах запретил. Поэтому потребовалось еще время для окончательного решения вопроса. Наконец, в мае 1872 г. Александр II “высочайше повелел” учредить “в виде опыта” при МХА “Особые женские курсы для образования ученых акушерок”. Приказом по военному ведомству был установлен 4-летний срок обучения и утверждена программа курсов. При этом никаких государственных ассигнований не предусматривалось. Курсы должны были функционировать за счет частных пожертвований и платы за обучение слушательницами. Занятия на курсах начались с зимнего семестра 1872-1873 учебного года. Несмотря на установленный лимит ежегодного приема в 70 человек, в первый же год обучения число слушательниц составляло 89 человек. Большое внимание уделялось занятиям в клиниках. Многие ведущие профессора академии согласились преподавать на курсах, хотя оплата была ниже по сравнению с университетами. На решение императора об учреждении курсов решающее влияние оказала записка шефа жандармов, в которой указывалось на необходимость отвлечения российских женщин от обучения в зарубежных университетах, где “они набирались чуждых социалистических идей” [14].

Поэтому в начале 1873 г. по заданию Александра II была создана особая комиссия для обсуждения вопроса “О мерах, вызываемых постоянно возрастающим приливом русских женщин в цюрихские Университет и Политехникум и прискорбными явлениями, совершающимися в их среде”. В состав комиссии входили руководители важнейших ведомств страны: министры внутренних дел и народного просвещения, шеф жандармов и другие. В мае комиссия представила императору обстоятельный доклад, который он в тот же день утвердил. В докладе отмечалось, что в Цюрихском университете “число женщин оставалось крайне ограниченным до тех пор, пока вожди русской эмиграции не обратили внимание на этот легковоспламеняющийся элемент... По довольно точным сведениям в Цюрихе теперь 103 женщины, в том числе из Санкт-Петербурга - 12, Москвы - 18, Новороссийского края - 30, Великорусских губерний - 15, Юго-Западного края и Малороссийских губерний - 13...” [15]. В справке приводились также сведения о распределении этих студенток по сословиям и вероисповеданию.

Комиссия обратила внимание на положение дел с женским образованием в России и остановилась на вопросе о том, “какие наши учреждения могут удовлетворить потребности высшего образования”. Она признала чрезвычайно важным и необходимым создание высших женских учебных заведений вначале в Петербурге и Москве, а затем, по мере изыскания средств, и в других университетских городах. Задача, по мнению комиссии, состояла в том, что надо “вырвать” из Цюриха тех, кто там учился, и “припугнуть” студенток, чтобы они к 1 января 1874 г. прекратили свои занятия и возвратились в Россию. Это предупреждение было сразу опубликовано в “Правительственном вестнике”. Студентки реагировали на него по-разному: некоторые возвратились в Россию, остальные перешли в другие университеты. Но в дальнейшем все оказались в одинаковом положении, так как ничто не уберегло их от преследования. Истинными причинами учреждения упомянутых женских курсов являлись соображения “высшего порядка” [16].

В 1876 г. состоялся выпуск “ученых акушерок” с 4-летним сроком обучения. В том же году была произведена реорганизация курсов. Они стали именоваться “Женскими врачебными курсами”, срок обучения увеличивался до 5 лет и, соответственно, приравнивался к преподаванию на медицинских факультетах университетов и в МХА. Кроме того, курсы были отделены от академии и переведены в Николаевский военный сухопутный госпиталь в Петербурге. Но преподавание продолжали осуществлять ученые МХА. В 1878 г. осуществлён первый выпуск слушательниц с 5-летним сроком обучения. Выпускницы подвергались экзамену наравне с мужчинами на “право врачебной практики”. Всем было присвоено звание лекаря, несмотря на отсутствие для этого специального разрешения.

В 1880 г. для выпускниц Женских врачебных курсов был учрежден нагрудный знак “Женщина-врач”. Но в январе 1883 г. по инициативе министра народного просвещения была предпринята попытка лишить женщин-врачей права на общую врачебную практику, так как “высочайшим повелением” снова вводилось звание “ученой акушерки” вместо лекаря. Тем не менее, под влиянием общественности и преподавателей курсов, которые составили прошение на “высочайшее имя”, император пересмотрел свое прежнее решение - лекарское звание вскоре было восстановлено. В 1881 г. новый военный министр счел невозможным существование при его ведомстве женского учебного заведения. Однако ни министерство народного просвещения, ни МВД не согласились принять курсы под свою опеку. Поэтому в августе 1882 г. прием на 1882-1883 учебный год был прекращен, но ранее принятым слушательницам “милостиво” предоставлялось право закончить обучение [17].

Общественность и многие ученые снова выступили с требованием о сохранении Женских врачебных курсов. Группа ученых и врачей обратилась в Петербургскую городскую думу с ходатайством о передаче курсов в ведение города, переведя их на базу одной из крупных больниц. Дума решила вопрос положительно при условии сохранения субсидий, получаемых курсами путем частных пожертвований. Но больницы в то время не были подчинены городскому самоуправлению, и решение осталось нереализованным. В то же время, журнал “Врач” пристально следил за борьбой, развернувшейся вокруг курсов, откликался на любое событие, которое как-то могло повлиять на их судьбу. Другой печатный орган “Медицинский вестник” проводил аналогичную работу. На их страницах регулярно появлялись статьи об успехах выпускниц курсов на врачебном поприще. Общественность информировалась о тех руководителях, кто не допускал женщин к земской медицинской деятельности. Давая отпор изданиям, в которых, ссылаясь на “источник”, писалось о закрытии курсов якобы в интересах “нравственности”, журнал “Врач” с возмущением указывал, что “компетентный источник компетентен только в гнусной клевете”. В 1882 г. при поддержке профессорско-преподавательского состава Военно-медицинской академии (ВМА, до 1881 г. - МХА) был образован денежный фонд для обеспечения деятельности курсов, но оказалось, что средств явно недостаточно, учитывая необходимость строительства специальной больницы. Ответом явились новые поступления денежных средств для курсов. Их присылали многие

губернские и уездные земства, частные лица. Врачи ряда земств обязались в течение 5 лет отчислять курсам 1% своего жалования. На страницах прогрессивной печати публиковались ходатайства различных организаций, ученых и общественных деятелей о сохранении Женских врачебных курсов. На всю страну прозвучал голос И.С. Тургенева на обращение к нему слушательниц курсов: “Поверьте, за вас в этом вопросе все честное на Руси, все, любящие свою родину, все, желающие ей блага, правильного и спокойного развития.... А потому в успехе сомневаться нельзя”. Но в июне 1887 г. последние слушательницы Женских врачебных курсов сдали выпускные экзамены. Закончило свою деятельность учреждение, ничего, кроме пользы, обществу не принесшее [18].

За время существования курсов подготовлено свыше 600 женщин-врачей. Их практическая работа снискала большое уважение, особенно в земствах. Среди выпускниц были и сумчане, в частности, две дочери Линтваревых - Зинаида Михайловна (1857-1891) и Елена Михайловна (1859-1922), которые до конца своих дней свято выполняли врачебный долг [19].

Женские врачебные курсы при Николаевском военном сухопутном госпитале окончила Александра Гавриловна Архангельская (1851-1905), которая стала одной из первых и единственной в то время женщиной-хирургом в России. В начале она поступила в 1874 г. на курсы “ученых акушерок” при МХА. Но за политические выступления подверглась репрессиям и была выслана на родину в Тульскую губернию. Поэтому ей удалось только в 1881 г. окончить уже Женские врачебные курсы и получить лекарский диплом. Сначала работала в клинике, в 1883 г. ее назначили заведующей Петровским сельским врачебным участком Московской губернии. В 1885 г. открыла там больницу, в которой лечила больных преимущественно с хирургическими и глазными болезнями. Больница имела широкую известность, с организацией ее работы знакомились не только многие врачи, но и ученые.

А.Г. Архангельская активно занималась общественной деятельностью. В печати, на губернских и уездных съездах врачей регулярно выступала с докладами по вопросам развития хирургической помощи в сельской местности, совершенствования земского врачебно-санитарного дела. Принимала активное участие в работе Пироговских съездов врачей и съездов российских хирургов. В 1902 г. была избрана почетным председателем очередного Пироговского врачебного съезда. Опубликовала в печати свыше 50 своих научных работ. В целях распространения медицинских и гигиенических знаний в народе подготовила и издала 2 книги. Одна из них посвящалась значению для больных хирургических операций, а вторая - о первой помощи при несчастных случаях и внезапных заболеваниях среди населения. Ее редактировал Л.Н. Толстой. Александра Гавриловна дружила с семьей Линтваревых, проживавшей на Луке. Там у нее была своя дача, где она мечтала поселиться после выхода на заслуженный отдых. Но судьба распорядилась по-своему. После преждевременной кончины А.Г. Архангельской Е.М. Линтварева продала ее дачу и, согласно завещанию, на вырученные деньги была построена библиотека при Петровской земской больнице [20].

Ввиду окончательного закрытия в 1887 г. Женских врачебных курсов начался новый этап борьбы за решение проблем высшего женского медицинского образования. В 1890 г. в Петербурге было создано Общество взаимной помощи женщин-врачей. Ее членами являлись Н.П. Суслова, ряд меценатов, видных ученых и врачей. На повестку дня встал вопрос об открытии Женского медицинского института. Капитал для этого составлял около 153 тыс. руб. Через министра народного просвещения соответствующий проект создания института был представлен в Государственный совет, который его утвердил большинством голосов. Однако Александр III не согласился с этим решением, и проект был возвращен обратно. Но голод в 1891 г., эпидемии холеры, сыпного тифа и других инфекций вновь, как и ранее в период русско-турецкой войны, продемонстрировали обществу самоотверженную деятельность женщин-врачей в оказании медицинской помощи населению, так как врачей в стране по-прежнему было мало.

В начале 1892 г. император приказал снова внести законопроект о Женском медицинском институте в Государственный совет. В 1893 г. V Пироговский съезд врачей выступил с требованием о скорейшем открытии этого медицинского вуза, однако решение данного вопроса затягивалось на “высочайшем” уровне. Когда в печати появилось известие о том, что Государственный совет будет рассматривать осенью 1894 г. проект создания Женского медицинского института, вновь оживилась деятельность общественности. Снова, как и десятилетием ранее, со всех концов страны поступали ходатайства об открытии нового учебного заведения для врачебного образования женщин. Государственным советом проект института был одобрен лишь в апреле 1895 г. Срок обучения в нем устанавливался 5-летний. Положение об учреждении в Петербурге Женского медицинского института утверждено Николаем II 1 июня 1895 г., но открытие его намечалось на 1897 год. Для размещения будущего учебного заведения был выделен земельный участок при Петропавловской больнице, и весной 1896 г. началось строительство корпусов. Различные учреждения посылали в помощь институту учебные пособия. Земства утверждали стипендиатов. От многочисленных частных лиц поступали книги, составившие затем основу библиотечного фонда института. Передана также мебель, принадлежавшая прежде Женским врачебным курсам, но заботливо сохраненная.

Женский медицинский институт открыли 14 сентября 1897 г. Была исправлена, наконец, печальная ошибка тех, которые с легким сердцем 15 лет тому назад “убили славное, молодое, полное жизни и сил дело образования женщин-врачей” [21]. Профессора Петербургского университета и Военно-медицинской академии были привлечены к преподаванию в институте, однако формально его статус определялся учредительными документами ниже медицинских факультетов университетов. Выпускницы не допускались к соисканию ученой степени, вследствие чего доступ к медицинской науке фактически был закрыт. Кроме того, они могли работать только в женских отделениях лечебных учреждений, хотя предусматривалось присвоение им звания “женщина-врач”.

Но, несмотря на эти ограничения, институт привлек внимание большого числа слушательниц, в том числе из провинций, включая Сумщину. Так, в 1898 г. в Лебединскую уездную земскую управу обращалась Р.М. Селеховская, окончившая полный курс Сумской женской гимназии, с просьбой о направлении в Женский медицинский институт ходатайства о приеме ее в число слушательниц с того же учебного года. Уездное земское собрание она просила назначить ей на определенных условиях земскую стипендию на 5-летний период обучения “ввиду недостаточности собственных средств”. Управа, учитывая, что еще в 1896 г. уездное земское собрание поддержало решение об учреждении Женского медицинского института в Петербурге, выделив для него субсидию в сумме 300 руб., не сочла возможным отклонить просьбу Р.М. Селеховской, “так настойчиво добивавшейся высшего медицинского образования” и направила в институт ходатайство, “которое вскоре увенчалось успехом”.

Вопрос о назначении земской стипендии слушательнице института рассматривался на заседаниях очередного Лебединского уездного земского собрания 6 и 7 октября 1898 г. Были заслушаны доклад управы и замечания редакционной комиссии. В докладе подчеркивалось, что от женщины-врача следует ожидать огромную пользу земской медицине уезда, особенно в оказании медицинской помощи женщинам. Кроме того, в уездной земской больнице был нужен второй врач, так как объем работы значительно возрос как в уездной больнице, так и в лечебных учреждениях уезда. Собрание, обсудив данный вопрос, постановило назначить слушательнице института земскую стипендию в сумме 400 руб. в год в течение 5 лет при условии отработать после окончания института не менее 10 лет в должности врача Лебединской уездной больницы, “исполняя все поручения управы по медицинской части как в городе, так и в селах”. В случае “отсутствия возможности находиться на службе в Лебединском земстве”, ей следовало возратить затраченные на обучение средства “не менее чем по 200 руб. в год, начиная не позже как через год со дня окончания института или выхода из него”. Данное постановление было принято большинством голосов гласных (21 из 29) при закрытом голосовании [22].

Между тем, только в 1904 г. Женский медицинский институт был принят в ведение министерства народного просвещения. На слушательниц распространялись права, предусмотренные для студентов медицинских факультетов университетов. К тому же в 1905-1906 гг. женщины допускались в университеты. Но в 1907 г. последовало распоряжение об их отчислении, хотя врачей не доставало, а женщин-врачей было незначительное число. Например, в Сумском уезде в 1905 г. из 20 земских, городских, заводских и санитарных врачей работала лишь одна женщина А.Д. Никулищева [23].

Существенный вклад в становление высшего женского медицинского образования на Украине внёс видный учёный-дерматовенеролог, профессор Сергей Петрович Томашевский (1854-1916) - уроженец Кролевец. Он стал одним из инициаторов и основателей медицинского отделения с университетской программой обучения при Высших женских курсах, а затем Женского медицинского института в Киеве. Возглавляя медицинское отделение, открытое в 1907 г., постоянно избирался председателем его

педагогического совета. Под руководством ученого был построен анатомический театр, оборудованы учебные помещения и клиники. Много сил отдал решению вопросов реорганизации медицинского отделения в Женский медицинский институт. Такое ходатайство было направлено в 1909 г., однако положительный ответ получен лишь в 1916 г, о чем С.П. Томашевский сообщил на заседании педагогического совета. К сожалению, в том же году он ушел из жизни [24].

С 1906 г. начало свою деятельность медицинское отделение при Высших женских курсах в Одессе, реорганизованное затем в Женский медицинский институт. Огромная подготовительная работа проведена в Харькове под руководством выдающегося ученого В.Я. Данилевского, в результате в 1910 г. был создан Женский медицинский институт. С началом Первой мировой войны прием в Женские медицинские институты увеличился, а жилищно-бытовые условия значительно ухудшились. Слушательницы жили в очень тяжелых условиях, о чем свидетельствовали данные социологического опроса с заполнением соответствующих анкет в Харькове, обобщенные затем историком медицины П.Т. Петровым. Вот некоторые ответы: “обедаю через день”, “в видах экономии чая не пью”, “горячего давно не ем”, “мозг не работает, потому что всегда голодная, всегда хочу есть”, “питаюсь одним черным хлебом” и другие [25].

За годы Первой мировой и гражданской войн число врачей значительно сократилось как в Красной Армии, так и для медицинского обслуживания населения. Поэтому “в целях успешного проведения планомерной борьбы со все возрастающими эпидемиями, которые несут опустошение в ряды работающего населения”, Совнаркомом УССР был издан 6 апреля 1920 г. декрет о мобилизации всех студентов высших медицинских учебных заведений (мужчин и женщин). Мобилизация рассматривалась как закрепление их за медицинскими вузами для продолжения учебы. Студентам запрещалось самовольно покидать занятия, что считалось трудовым саботажем и дезертирством. Все студенты, подлежавшие мобилизации, должны были в 7-дневный срок со дня объявления декрета зарегистрироваться: проживавшие в университетских городах - в особых комиссиях, а другие - в соответствующих местных отделах народного образования.

Без разрешения этих органов они не имели права менять место жительства. На местные отделы народного образования возлагались обязанности направлять в особые комиссии списки зарегистрированных студентов и принимать меры к их командированию в ближайшие университеты. Всем мобилизованным студентам назначалось государственное обеспечение с учетом категорий: от 2300 руб. в месяц студентам первых курсов до 3400 руб. - IV и V курсов. Были решены также другие финансовые вопросы через бухгалтерии университетов. Следует отметить, что все меры, предусматривавшиеся декретом, касались в одинаковой степени как мужчин, так и женщин. Наркомату народного просвещения поручалось по согласованию с Наркоматом здравоохранения разработать и провести в жизнь ускоренный выпуск врачей. Медицинские вузы были приняты на государственное содержание [26].

В 1920 г. функционирующие в УССР 3 медицинские факультета и 3 Женские медицинские института были объединены в соответствующие самостоятельные вузы - медицинские академии. Через год они были реорганизованы в медицинские институты. С 1920 г. при каждом медицинском вузе начали функционировать краткосрочные подготовительные курсы. Но отсутствие у подавляющего большинства молодежи необходимого образовательного уровня лишало возможности пользоваться этими курсами. Поэтому подготовка к поступлению в медицинские вузы была перенесена в рабочие факультеты, хотя считалось, что рабфаки могли быть только при промышленных и сельскохозяйственных вузах. Первый медицинский рабфак был открыт в Харькове в 1923 г., а затем в остальных мединститутах. Срок обучения устанавливался вначале 2, а с 1926 г. - 3 года. В 1925 г. среди 585 рабфаковцев 38,8% составляли женщины, в том числе в Харьковском мединституте - 44% из 242 человек. К 1930 г. сеть рабфаков расширилась до 20. Они были как с дневной, так и с вечерней формой обучения. Каждый из 5 функционировавших мединститутов имел по 1-3 периферийных рабфака, один из которых был открыт Киевским мединститутом в Конотопе. С 1936 г. сеть рабфаков стала сокращаться, в этом же году был произведен последний набор слушателей [27].

В дальнейшем осуществлен рост сети медицинских вузов, где женщины среди студенчества начали составлять большинство.

1. Сточник А.М. Женское медицинское образование / А.М. Сточник // Большая медицинская энциклопедия (БМЭ). - М., 1978. - Т. 8. - С. 213-214.
2. Дионесов С.М. У истоков женского врачебного образования в России (К 100-летию прошения Людмилы Ожигиной) / С.М. Дионесов // Врачебное дело. - 1962. - № 7. - С. 120.
3. Там же. - С. 121.
4. Там же. - С. 121-122.
5. Павлучкова А.В. Борьба прогрессивной медицинской общественности за введение женского врачебного образования в России / А.В. Павлучкова // Советское здравоохранение. - 1976. - № 4. - С. 59-61.
6. Дионесов С.М. У истоков женского врачебного образования в России (К 100-летию прошения Людмилы Ожигиной) / С.М. Дионесов // Врачебное дело. - 1962. - № 7. - С. 123.
7. Сточник А.М. Женское медицинское образование / А.М. Сточник // БМЭ. - М., 1978. - Т. 8. - С. 215-216.
8. Зикеев П.Д. Диплом Н.П. Суловой (К 100-летию со дня защиты Н.П. Суловой докторской диссертации) / П.Д. Зикеев // Клиническая медицина. - 1968. - № 11. - С. 147-149.
9. Карнаухова Е.И. Начало высшего женского медицинского образования в России / Е.И. Карнаухова // Советское здравоохранение. - 1960. - № 5. - С. 39-40.
10. Зикеев П.Д. В.А. Кашеварова-Руднева (К 125-летию со дня рождения) / П.Д. Зикеев // Клиническая медицина. - 1970. - № 4. - С. 130-131; Карнаухова Е.И. Начало высшего женского медицинского образования в России / Е.И. Карнаухова // Советское здравоохранение. - 1960. - № 5. - С. 40-41.
11. Зикеев П.Д. В.А. Кашеварова-Руднева (К 125-летию со дня рождения) / П.Д. Зикеев // Клиническая медицина. - 1970. - № 4. - С. 132.
12. Там же. - С. 133.
13. Там же. - С. 133-134.
14. Сточник А.М. Женское медицинское образование / А.М. Сточник // БМЭ. - М., 1978. - Т. 8. - С. 216-217.
15. Дионесов С.М. Об истинных мотивах учреждения Высших женских курсов в России / С.М. Дионесов // Советское здравоохранение. - 1967. - № 8. - С. 72-73.
16. Там же. - С. 74-75.
17. Базанов В.А. Русская общественность в борьбе за создание Женского медицинского

- института (К 100-летию женского врачебного образования) / В.А. Базанов // Советское здравоохранение. - 1972. - № 7. - С. 61-62.
18. Там же. - С. 63-64.
19. См.: Чернобров И.В. Роль земских врачей Сумщины в развитии медицины / И.В. Чернобров // Сумська старовина. - 2011. - №№ XXXIII-XXXIV. - С. 117-119.
20. Меве Е.Б. Медицина в творчестве и жизни А.П. Чехова / Е.Б. Меве. - К., 1989. - С. 90-91; Васильев К.К. История медицины Сумщины / К.К. Васильев. - Одесса, 2005. - С. 130-131, 140-141, 145; Якобсон С.А. Архангельская Александра Гавриловна С.А. Якобсон // БМЭ. - 1975. - Т. 2. - С. 246.
21. Базанов В.А. Русская общественность в борьбе за создание Женского медицинского института (К 100-летию женского врачебного образования) / В.А. Базанов // Советское здравоохранение. - 1972. - № 7. - С. 65-66.
22. Журналы XXXIV/VII очередного Лебединского уездного земского собрания 6-7 октября 1898 года. - Лебедин, 1899. - С. 193-194, 309-311.
23. Журнал заседаний Сумского уездного санитарного совета 7 марта 1905 г. // Врачебная хроника Харьковской губернии. - Харьков, 1905. - № 7. - С. 368.
24. Коляденко В.Г., Головченко Д.Н. Сергей Петрович Томашевский (К 125-летию со дня рождения) / В.Г. Коляденко, Д.Н. Головченко // Врачебное дело. - 1980. - № 9. - С. 122-123.
25. Очерки истории высшего медицинского образования и научных школ на Украине / Под ред. В.Д. Братуся и др. - К., 1965. - С. 71-73.
26. Декрет Ради Народних Комісарів УРСР від 6 квітня 1920 року та "Інструкція про порядок проведення в життя декрету РНК" // Вісті ЦВК Рад і Харківського губвиконкому. - 1920. - № 141.
27. Очерки истории высшего медицинского образования и научных школ на Украине / Под ред. В.Д. Братуся и др. - К., 1965. - С. 59-63.

Чернобров І.В.

До історії вищої жіночої медичної освіти в Російській імперії

Розглядаються проблеми, пов'язані з боротьбою за допуск жінок у другій половині XIX ст. в університети для отримання рівної із студентами-чоловіками лікарської освіти. Проаналізовані етапи створення вищих жіночих медичних учбових закладів і діяльність деяких перших жінок-лікарів.

Chernobrov I.V.

The history of higher education for women in the Russian Empire

Discusses issues related to the struggle for the admission of women during the second half of the 19th century in universities in order to obtain equal male medical students education. Analyzed the steps of creating a higher female medical schools and the activities of a number of early women doctors.

Отримано 12.03.2012